толкование («свистит как сто змей»)[27] не могло прийти на ум читателям этого номера «Трутня», в то время как образ человека злобного или жалящего, как сто змей, был здесь очерчен вполне отчетливо, хотя и контурно. Подобное восприятие подсказывалось и древней традицией отношения к змее как к врагу рода человеческого.[28] И если о свисте Стозмея будет говориться только единожды, а более это его «дарование» никак не обыгрывается, то злоба настойчиво преподносится как его отличительный признак. Автор опубликованного в «Смеси» письма, подписанного криптонимом Д. К., заявлял, что нападками на «Трутень» Стозмей показывает «злость своего сердца» (Смесь. Л. 20. С. 155); а в первой эпиграмме, напечатанной в том же номере, утверждалось, что он «и чести не хранит и злобствует на честных» (Смесь. Л. 20. С. 160). В 17-м листе «Трутня» (18 августа) Стозмей был представлен человеком, который «богат злостию сердца ко вреду ближних» (Тр. 1769. № 17. С. 108). Через полтора месяца (6 октября) Правдолюбов указывал в «Смеси» (Л. 28. С. 223), что «Стозмей всех злословит, старается всякому сделать зло», а на следующей неделе (13 октября) посвятил этой теме еще несколько строк в жанре «портрета»: «Стозмей, истребя все душевные добродетели, наполнился ужасною злобою. Он не знает человеколюбия и беспрестанно старается о пагубе ближнего. Не упускает ни малейшего случая, дабы сделать зло, и, сделав оное, сердечно радуется. Стозмей или будет повешен, или дойдет до великих почестей» (Смесь. Л. 29. С. 229).

Итак, не свист, а злость — отличительное свойство Стозмея. Но в журналистике 1769 г. фигурировал еще один злобный персонаж — Злорад. Ниже будет показано, что под этим именем были выведены разные реальные лица. На данном этапе рассуждений важно то, что среди них был Чулков и что один раз о Злораде говорится в сочетании со Стозмеем (Смесь. Л. 33. С. 261—262). Закономерно встает вопрос, случайно ли это соединение двух злобных людей, имеет ли оно целью только описать разновидности злости или же в нем отразилась какая-нибудь существовавшая между прототипами связь.

В этом плане приобретает интерес замечание из вымышленного письма некоей К. Б., якобы матери любовницы Стозмея. Отчаявшаяся вразумить свою дочь женщина обращается к издателю журнала с просьбою убедить Перекрасу, что «Стозмей, на которого она так много надеется, человек не очень много зна-

---

[27] Любопытно, что, приведя это объяснение в примечаниях к «Трутню» (Берк. 1951. С. 530), П. Н. Берков не повторил его в «Истории русской журналистики» (1952). Не значило ли это, что он от него отказался?

[28] Например, в диалоге Эразма Роттердамского «Дружество»: «Эфорин. . . .Ты знаешь, что змеиный род полон неприязни к человеку?
Иоанн. Знаю, что между змеями и нами старинная и непримиримая вражда и что ей не будет конца, пока мы не забудем того злосчастного яблока». (*Эразм Роттердамский.* Разговоры запросто / Пер. с лат. С. Маркиша. М., 1969. С. 596).